

Грозовой Перевал

Эмили
Бронте

Эмили Бронте

Грозовой Перевал

ISBN серии

ISBN 978-617-12-4211-1

9 786171 242111

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4202-9

9 786171 242029

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ
КЛАССИКИ

ЭМИЛИ БРОНТЕ

ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Б88

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переводчик с английского *Наталья Рогова*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Марсель-Антуана Вердье «Портрет Мэри Мэттьюз»

ISBN 978-617-12-4211-1 (серия)
ISBN 978-617-12-4202-9

- © Depositphotos: standart, обложка, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

ЭМИЛИ БРОНТЕ: ЖИЗНЬ И РОМАН

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ПЕТЕРСОН

(Из книги «Семейство Бронте», 1895)

В октябре 1847 года в числе литературных новинок сезона появился в Лондоне роман в трех частях, выпущенный издательской фирмой «Smith, Elder & Co», произведший сразу сильное впечатление на английскую публику и успевший разойтись в значительном числе экземпляров прежде, чем появились первые газетные отзывы о нем. Интерес, возбужденный им, был так велик, что, как говорили, даже сам великий Теккерей отложил перо и сидел, углубленный в чтение «Джейн Эйр», — романа, принадлежащего перу неизвестного автора, скрывавшегося под псевдонимом Каррер Белл.

Эта книга разошлась в какие-нибудь три месяца, так что в январе 1848 года потребовалось уже новое издание.

Появление каждого нового литературного имени, получающего успех, всегда возбуждает интерес и просто любопытство. В данном случае успех был громадный, и сопровождавший его интерес и любопытство публики столь же велики.

Стали искать, не попадалось ли где-нибудь раньше имя Каррер Белл, и вскоре была обнаружена книжечка стихотворений, вышедшая за год перед тем и потонувшая было в море забвения, почти никем не замеченная. Книжечка эта представляла собой сборник стихотворений, принадлежавших трем авторам: Каррер, Эллис и Эктон Белл. Открытие это привело публику и прессу в полное недоумение, которое еще возросло, когда в декабре того же 1847 года другая издательская фирма выпустила еще два романа: «Грозовой Перевал», подписанный именем «Эллис Белл», и «Агнес

Грей» — именем «Эктон Белл» — произведения столь же оригинальные, но совершенно иного характера.

Сейчас же, не только среди обыкновенных читателей, но и в прессе, возникло множество догадок относительно того, были ли это действительные имена авторов или это лишь присвоенные ими псевдонимы; а если псевдонимы, то принадлежали ли они трем братьям, или трем сестрам, или же лицам, не состоявшим ни в каких родственных отношениях? Множество народу обращалось с этими вопросами к издателям, но и они сами ничего не знали. А между тем авторы романов, и особенно Каррер Белл, вели деятельную и энергичную переписку со многими известными в то время лицами, но переписка шла через посредство какой-то никому не известной мисс Бронте, бывшей гувернантки, дочери пастора в Хаурте, одном из захолустных местечек Йоркшира. То обстоятельство, что письма адресовались в Йоркшир, никого не удивляло, так как все единодушно были согласны с тем, что авторы, кто бы они ни были, были уроженцы северной, а никак не южной Англии. Ведь ни один южанин не в силах был бы так живо изобразить страстного, могучего, сурового йоркширца, со всеми его доблестями и пороками, и с окружающей его дикой природой. Только спустя значительное время, медленно, и принимаемое лишь с большим сомнением, распространилось наконец убеждение, что три загадочных автора, скрывающихся под именами «Каррер, Эллис и Эктон Белл», были не кто иной, как три дочери пастора, скромные провинциальные гувернантки, никогда в глаза не выдавшие ни одного писателя и не имевшие ни малейшего понятия о Лондоне.

Загадка, казалось, была разрешена, но на деле решение это привело лишь к новым недоразумениям и предположениям. Сама фамилия Бронте приводила в смущение: одно несомненно — фамилия эта не английская. Обратились к истории их отца и убедились, что он был выходец из Ирландии, сын Хью Бронте, простого фермера; но сам Хью Бронте

опять-таки явился неведомо откуда и т. д. и т. д. С одной стороны возникло предположение, что в Ирландии фамилия Бронте (Bronte) была не Бронте, а Prunty, с другой же стороны ему стали приписывать иноземное, французское происхождение.

Наконец, оставался открытым вопрос, откуда сестры Бронте почерпнули свой опыт: тонкое знание человеческой природы, со всеми ее хорошими и дурными свойствами, с неукротимой страстью, способной на преступление; где почерпнули они свои радикальные воззрения, свою ненависть к ханжеству, фальши и светской пустоте английского духовенства — черты, поражавшие в дочерях пастора? Наконец, что способствовало развитию в них такого мощного воображения и что могло сообщить ему его отличительную мрачную окраску? Произведения этих преждевременно унесенных смертью женщин были таковы, что приковывали к себе внимание читателя своим содержанием, заставляли его заинтересовываться и внутренней, душевной жизнью автора, вызывая потребность в их откровенной биографии.

* * *

На железнодорожном пути, проходящем на Лидс и Брэдфорд, в четверти мили от полотна железной дороги расположен город Китли. Он находится в центре шерстяных и суконных фабрик, — промышленности, дающей занятие почти всему населению этой части Йоркшира. Благодаря такому своему положению Китли в начале девятнадцатого столетия из многолюдной богатой деревни быстро превратился в богатый и промышленный город.

В то время, о котором идет речь, то есть в сороковых и пятидесятых годах девятнадцатого столетия, местность эта почти окончательно утратила свой сельский характер. Путешественник, желавший видеть сельский Хауорт, с его пасторальными и безотрадными болотами, заросшими вереском,

столь любимыми даровитыми сестрами-писательницами, должен был бы сойти на железнодорожной станции Китли, в какой-нибудь полумиле от этого города, и, пройдя его, свернуть на дорогу в Хаурт, почти до самой деревни не утрачивающей характера городской улицы. Правда, по мере того, как продвигался он по дороге к стоявшим на западе кругловатым пригоркам, каменные дома начинали редеть и появлялись даже виллы, видимо принадлежавшие людям менее занятым в промышленной жизни. Как сам город, так и весь путь от него до Хаурта, производили удручающее впечатление отсутствием зелени и своим общим однообразным сероватым колоритом. Расстояние между городом и селением около четырех миль, и на всем этом протяжении, за исключением лишь упомянутых вилл да нескольких домов фермеров, тянулись целые ряды домов для рабочих шерстяных фабрик. По мере того как дорога поднимается в гору, почва, сначала довольно плодородная, становится все беднее, производя лишь жалкую растительность в виде тощих кустов, растущих кое-где около домов. Каменные стены всюду занимают место зеленых изгородей, а на изредка попадающихся клочках доступной обработке земли виднеется какой-то бледный желтовато-зеленый овес.

На горе прямо против путешественника возвышается селение Хаурт; уже мили за две видно оно, расположенное на обрывистом холме. Вдоль линии горизонта тянется все та же извилистая, волнообразная линия холмов, из-за которой местами выдвигаются опять новые холмы того же серого цвета и формы на темном фоне пурпурных торфяных болот. Эта извивающаяся линия производит впечатление чего-то величественного своей кажущейся пустынностью и безлюдностью, а иногда даже удручающего зрителя, чувствующего себя совсем отрезанным от света этой однообразной, неприступной стеной.

Под самым Хауртом дорога сворачивает в сторону, огибая холм, и пересекает ручей, протекающий долиной и служащий

двигательной силой для многих расположенных по дороге фабрик, и затем опять круто поворачивает в гору, являясь уже улицей самого селения. Подъем до такой степени крут, что лошади с трудом взбираются наверх, несмотря на то, что каменные плиты, которыми мостилась улица, обыкновенно укладывались острием кверху, чтобы лошади могли удержаться копытом, но тем не менее они, казалось, каждую минуту рисковали скатиться вниз со своим грузом. Старинные, довольно высокие каменные дома возвышались с обеих сторон улицы, сворачивавшей в сторону на самой верхней точке деревни, так что весь подъем производил впечатление отвесной стены.

Эта до крайности крутая деревенская улица выводила на плоскую вершину холма, где возвышалась церковь, а напротив нее — пасторат, к которому вел узенький переулок. По одну сторону его тянулось кладбище, подымаясь круто в гору, со множеством могил и крестов, а по другую сторону стоял дом, где помещалась школа и квартира кистера. Под окнами пастората был устроен небольшой цветник, когда-то предмет тщательных забот, хотя в нем росли лишь самые незатейливые и выносливые цветы. За каменной оградой кладбища виднелись кусты бузины и сирени; перед домом расстилалась зеленая лужайка, перерезанная песчаной дорожкой.

Сам пасторат представлял собой двухэтажное мрачное здание, сложенное из серого камня с тяжелой черепичной кровлей, построенное не позже второй половины XVIII века.

Церковь, одна из стариннейших в этой местности, подвергалась стольким видоизменениям и обновлениям, что почти не сохранила ничего характерного ни с внутренней, ни с внешней стороны. По правую руку от алтаря в стену вделана таблица с именами членов семьи Патрика Бронте, один за другим умерших в Хауорте и похороненных в семейном склепе. Первым стоит имя жены — Марии Бронте, умершей на тридцать девятом году жизни, и затем имена шестерых ее детей: Марии — одиннадцати лет, Елизаветы — десяти лет,

умерших в 1825 году; Патрика Бренуэлла Бронте — 1848 г. — тридцати лет; Эмили Бронте, тоже 1848 г. — двадцати девяти лет; Энн Бронте в 1849 г. — двадцати семи лет и затем за недостатком места, уже на другой табличке — имя последней сестры, Шарлотты, бывшей замужем за Артуром Беллом Николсом и умершей в 1855 году, на 39 году своей жизни.

В этом сером, неприветливом доме, лишенном многих необходимых условий комфорта, стоящем на вершине высокой горы, открытой всем ветрам, окруженном кладбищем и целой цепью торфяных болот, 25 февраля 1820 года появилась семья только что назначенного пастора, достопочтенного Патрика Бронте, происходившая родом из той части Ирландии, которая известна под именем *Country Down*. Сам пастор, человек страстного темперамента, изредка подававшийся неудержимым вспышкам гнева, но обыкновенно сдержанный, высокомерный и суровый, не внушал сначала особой симпатии своей пастве и держался в стороне от обитателей Хаурта, ограничиваясь добросовестным исполнением своих обязанностей. Все свободное время он проводил в своем кабинете или же в длинных, одиноких прогулках по заросшим вереском откосам гор, окружающих Хаурт. Кроме исполнения своих обязанностей пастора Патрик Бронте писал богословские трактаты, стихи и даже целые поэмы, из которых лишь немногим суждено было появиться в печати. Жена его, женщина лет 37, не могла поддерживать отношений с соседями: от природы болезненная, слабогрудая, истощенная частыми родами, она почти не выходила из своей комнаты, где проводила время в обществе детей. Вскоре по переезде ее в Хаурт стало очевидно, что она больна раком и что дни ее сочтены. С этой минуты дети ее были удалены из комнаты матери и предоставлены почти исключительно самим себе. Старшей из них, Марии, в это время только минуло шесть лет. Все, знавшие ее, всегда отзывались о ней как о глубокомысленной, очень спокойной, далеко не по летам

серьезной девочке. По наружности это было болезненное, миниатюрное существо, поражавшее своим недетским умом и преждевременным развитием. Ребенок этот не имел детства: с раннего возраста ей приходилось служить помощницей больной матери в хлопотах по дому и в уходе за младшими детьми. После смерти матери, последовавшей через семь месяцев после переезда их в Хаурт, Мария была постоянным и притом совершенно серьезным собеседником своего отца и приняла на себя роль матери по отношению к остальным детям, из которых младшей, Энн, тогда не успело еще исполниться и года.

Мистер Бронте, никогда не имевший неприятных столкновений со своими прихожанами, по-прежнему почти не сходился с ними, ограничиваясь лишь посещением больных. Сам в высшей степени дорожа неприкосновенностью своей частной жизни, он никогда не вмешивался в их дела и избегал обычных посещений, столь неприятных в глазах местного, далеко не особенно религиозного и в высшей степени независимого населения.

«Редко попадается такой хороший пастор, — говаривали его прихожане, — занимается себе своим домом, а нас оставляет в покое».

Действительно, Патрик Бронте всегда был занят делом. Принужденный держаться очень строгой диеты вследствие расстроенного пищеварения, он еще в последние месяцы жизни своей жены усвоил привычку обедать в кабинете и затем уже никогда в жизни не изменял этой привычке. Таким образом, с детьми своими он видался только по утрам, за завтраком, и в это время совершенно серьезно толковал о политике со старшей дочерью Марией, ярой сторонницей тори, как и ее отец, или же занимал всю семью своими страшными рассказами из столь богатой ужасами и приключениями ирландской жизни. Несмотря на такой кажущийся недостаток близости с детьми, Патрик Бронте пользовался в их глазах величайшим уважением и любовью и имел на них

огромное влияние. Время завтрака, проходившее в политических беседах и рассказах отца, было самым драгоценным для них временем.

Почти все остальное время дети проводили одни. Одна добрая старуха, ухаживавшая за миссис Бронте во время ее болезни и знавшая всю семью, не могла говорить об этих детях без умиления и удивления. В доме для них была отведена комната на самом верху, не имевшая даже камина и носившая название не детской, как бы следовало ожидать, а «кабинета детей», Children's Study. Запершись в этой комнате, дети сидели так тихо, что в доме никто не заподозрил бы их присутствия. Старшая, Мария, семи лет, прочитывала всю газету и затем рассказывала остальным ее содержание, все, из конца в конец, и даже парламентские дебаты. «Она была настоящей матерью для своих сестер и своего брата, — рассказывала эта старуха. — Да и никогда не бывало на свете таких хороших детей. Они до того не походили ни на каких других, что казались мне какими-то неживучими. Отчасти я приписывала это фантазии мистера Бронте, не позволявшего им есть мяса. Он поступал так не из стремления к экономии (в доме молодые служанки без надзора умершей хозяйки тратили и много, и беспорядочно), а из убеждения, что дети должны воспитываться в простой и даже суровой обстановке, а потому за обедом им не давали ничего, кроме картофеля. Да они, казалось, ничего иного и не желали: они были такие милые маленькие существа. Эмили была самая хорошенькая».

Мистер Бронте искренно желал закалить своих детей и воспитать в них равнодушие к изысканному столу и нарядам. И этого он достиг по отношению к своим дочерям. Та же женщина, бывшая сиделкой при миссис Бронте, рассказывала о таком случае. Местом прогулки для детей обыкновенно служили окрестные горы с их торфяными болотами, и дети выходили на прогулку одни, все шестеро, взявшись за руки, причем старшие обнаруживали самую

трогательную заботу о младших, не совсем еще твердо державшихся на ногах. Раз как-то, в то время как дети отправились на свою прогулку, пошел сильный дождь, и сиделка мистрис Бронте, предполагая, что они рискуют вернуться домой с мокрыми ногами, откопала где-то в доме цветные башмаки, подарок какой-то родственницы, и поставила их в кухне у огня, чтобы согреть их к их возвращению. Но, когда дети вернулись, башмаки исчезли, — в кухне остался только сильный запах жженой кожи. Мистер Бронте, случайно зайдя в кухню, увидел башмаки и, найдя их чересчур яркими и роскошными для своих детей, тут же, не думая долго, сжег их на кухонном огне.

Дети не имели никакого постороннего общества и массу времени посвящали книгам, хотя того, что подразумевается под «детскими книгами», у них совсем не было, и они беспрепятственно поглощали все попадавшееся им в руки произведения английских писателей, поражая своей глубокой мудростью всю прислугу, находившуюся в доме. В одном из писем к биографу своей дочери, к миссис Гэскел, отец сам пишет по поводу своих детей:

«Еще будучи совсем маленькими детьми и едва научившись читать и писать, Шарлотта, а также и все ее сестры и братья получили привычку разыгрывать небольшие театральные представления своего собственного сочинения, в которых герцог Веллингтон — герой моей дочери Шарлотты, непременно являлся победителем, когда возникали между ними довольно частые споры относительно сравнительных достоинств его, Бонапарта, Ганнибала и Цезаря. Когда случалось, что спор становился чересчур горяч и голоса возвышались, мне приходилось иногда самому выступать в качестве верховного судьи, — мать их в это время уже умерла, и решать спор согласно своему собственному усмотрению. Вообще, принимая участие в этих пререканиях, мне часто случалось подмечать такие признаки таланта, каких я прежде никогда не видал в детях их возраста».

Однако такое положение детей, предоставленных почти исключительно самим себе и заботам прислуги, никому не могло казаться удовлетворительным, и приблизительно через год после смерти миссис Бронте одна из старших сестер ее, мисс Бренуэлл, приехала в Хауорт и приняла на себя заботу о доме и детях. Это была, несомненно, очень благожелательная и добросовестная личность, но узкая, пожалуй, даже ограниченная и властолюбивая старая дева. Она и дети, за исключением лишь младшей девочки, Энн, всегда отличавшейся большой кротостью и мягким, податливым характером, да мальчика, Патрика, — ее любимца и баловня, сразу как-то не поняли друга друга и стали в какие-то официальные отношения, совершенно лишённые той задушевности и простоты, которая одна только и могла бы открыть ей доступ к их сердцу и дать ей возможность заступиться при них на место матери. Стараниями мисс Бренуэлл старшие девочки, Мария и Элизабет, а за ними Шарлотта и Эмили были отправлены в свою первую школу, но для девочек Бронте она стала настоящим испытанием.

Кроме безобразного отношения учительниц и недостатка питания, дети еще страшно страдали от сырости и холода. Всего мучительнее и изнурительнее действовали на них обязательные воскресные посещения церкви. Тунстальская церковь находилась на расстоянии по крайней мере двух миль от школы — путь далеко не малый для истощенных детей, которым нужно было совершать его два раза в день. Денег на отопление церкви не отпускалось, а детям, присутствовавшим обязательно на двух службах, приходилось высиживать в холодном отсыревшем здании чуть не половину дня. При этом лишены были даже возможности согреться горячей пищей, так как они брали с собой холодный обед и съедали его тут же в одной из боковых комнат в промежутке между двумя службами.

Результатом такого положения дел явилась страшная эпидемия тифа, от которого слегло сорок пять человек из

восемьдесят воспитанниц. Событие это, разумеется, вызвало сильнейшее волнение в обществе. Родители спешили разобрать по домам своих детей. Организовано было целое следствие, выяснившее, наконец, все упущения и злоупотребления, о которых и не подозревал директор, мистер Вильсон, в своем самодовольном ослеплении. Дело кончилось тем, что неограниченная власть мистера Вильсона подверглась ограничению, доверенная кухарка была изгнана, и даже решено было немедленно приступить к постройке нового здания для школы. Все это произошло весной 1825 г. Ни одна из девочек Бронте не заболела тифом, но здоровье Марии, не перестававшей кашлять, наконец обратило на себя внимание даже школьной администрации. Мистер Бронте, ни о чем не имевший ни малейшего представления, так как вся переписка детей подвергалась тщательной школьной цензуре, был вызван школьным начальством и, к ужасу своему, застал старшую свою дочь Марию чуть не накануне смерти. Он сейчас же увез ее домой, но было уже слишком поздно: девочка умерла через несколько дней по возвращении в Хауорт.

Весть о ее смерти подействовала-таки на воспитателей и заставила их обратить внимание на ее сестру, тоже заболевшую чахоткой. Они поспешили отправить ее домой в сопровождении доверенной служанки. Но и она умерла в то же лето, не дожив до начала летних каникул, когда вернулись домой также Шарлотта с Эмили.

Участь Шарлотты и Эмили в школе была несколько легче: Шарлотта была веселая, разговорчивая и очень способная девочка, обладавшая даром внушать к себе симпатию, Эмили же, попавшая в школу пятилетним ребенком и всегда отличавшаяся красотой, сразу превратилась в общую любимицу. Но, хотя им и не приходилось самим терпеть от жестокости и несправедливости старших, тем не менее вид этой жестокости и несправедливости по отношению к их сестрам и другим детям производил на них потрясающее впечатление.

По окончании каникул Шарлотта и Эмили опять отправились в школу, но в ту же осень школьное начальство нашло нужным посоветовать их отцу взять девочек домой, так как сырое местоположение Кован-Бриджа оказывалось крайне вредно для их здоровья. Таким образом, осенью того же 1825 года Шарлотта, тогда уже девяти лет, и Эмили, шести, окончательно вернулись домой из школы и, по-видимому, не могли рассчитывать ни на какое иное образование, кроме того, которое могли они получать у себя дома.

Целых шесть лет прошло прежде, чем сделана была новая попытка дать Шарлотте, а вслед за ней и Эмили, школьное образование. Все эти шесть лет девочки провели дома, почти не видя посторонних людей и не выходя из-под влияния своей обычной домашней обстановки и доступного чтения.

Около этого же времени в семье появился новый член, игравший с тех пор большую роль в жизни детей. Это была новая служанка — пожилая уже женщина, родившаяся, выросшая и проведшая всю свою жизнь в том же селении. Звали ее Тэбби. Тэбби, по словам миссис Гэскел, биографа и друга Шарлотты Бронте, по своему языку, наружности и характеру была истинной уроженкой Йоркшира. Она отличалась здоровым смыслом и в то же время большой сварливостью, несмотря на несомненно доброе и преданное сердце. С детьми она обращалась самовластно и сурово, но зато искренне любила их и никогда не жалела труда, чтобы доставить им доступное лакомство или удовольствие. Она готова была выцарапать глаза каждому, кто решился бы при ней не только обидеть, но даже просто сказать о них хоть одно дурное слово. В доме она возмещала собой именно тот элемент, которого так недоставало детям при сдержанной манере самого мистера Бронте и добросовестной доброжелательности мисс Бренуэлл, — элемент непосредственного, горячего чувства. И за это, несмотря на всю ее ворчливость и самоуправство, дети отвечали ей самой

горячей, задушевной привязанностью. Старая Тэбби до конца дней своих была их лучшим другом. Потребность подробно знать все, что касалось всех членов семьи, была в ней так настоятельна и велика, что в последние годы ее жизни Шарлотта Бронте затруднялась удовлетворять ее в этом отношении, так как Тэбби стала туга на ухо. Поверяя ей семейные тайны, приходилось выкрикивать их так громко, что их могли бы слышать даже прохожие. Поэтому мисс Бронте обыкновенно брала ее с собой на прогулку и, отойдя подальше от селенья, усаживалась где-нибудь на кочку среди пустынного торфяника и тут, на приволье, сообщала ей все, что та желала знать.

Сама Тэбби представляла собой неисчерпаемый источник самых разнородных сведений. Она жила в Хаурте еще в те времена, когда по дороге еженедельно тянулись обозы, позвякивая своими колокольчиками, нагруженные продуктами китлийских фабрик, и направлялись за горы, к Клоу или Беркли. Еще того лучше она знала всю эту долину в те времена, когда легкие духи и эльфы в лунные ночи разгуливали по берегам ручья, и знала людей, выдавших их своими глазами. Но это было тогда, когда в долине не было еще никаких фабрик и вся шерсть прялась собственноручно на окрестных фермах. «Эти-то самые фабрики с их машинами и прогнали их отсюда», — говаривала она. Немало могла она порассказать из жизни и обычаев минувших дней, о прежних обитателях долины, об исчезнувшем без следа или разорившемся дворянстве; много знала она семейных трагедий, часто связанных с проявлениями крайнего суеверия, и рассказывала все в полной наивности, не считая нужным о чем-либо умалчивать.

В сентябре 1841 года сестры Шарлотта и Эмили решили поехать в Брюссель в школу-пансион для изучения французского языка и подготовки к открытию собственной школы. План этот долго и основательно обсуждался отцом и теткой, и наконец согласие было дано. Шарлотта и Эмили должны

были отправиться в Брюссель, очередь Энн пришла бы впоследствии. Решение это дорого стоило Эмили. Безусловно веря Шарлотте и беспрекословно подчиняясь ее руководству, Эмили лишь с трудом могла примириться с мыслью расстаться со своим Хауртом, единственным местом, где она действительно жила и чувствовала себя счастливой: во всяком другом месте жизнь была для нее мучительным, томительным прозябанием. Шарлотта со свойственной ей широтой и разносторонностью интересов с жадностью стремилась навстречу каждому новому впечатлению. Эмили, при ее более глубокой, но более узкой натуре, перспектива очутиться в заграничном городе, среди чужих ей лиц, слышать кругом себя только чужой язык, приноравливаться к чужим нравам и обычаям, — все это должно было пугать ее, как кошмар. Но на эту неспособность свою уживаться в новом месте и среди незнакомых людей Эмили смотрела как на позорную слабость, и при своей непреклонной верности тому, что она считала долгом, решила на этот раз побороть ее во что бы то ни стало.

Шарлотта Бронте в своей записке об Эмили говорит:

«Она отправилась со мной в одно учебное заведение на континент, когда ей было уже за двадцать лет, и после того как она долго и прилежно работала и училась дома одна. Следствием этого было страдание и душевная борьба, усиленная еще отвращением ее прямой английской души к вкрадчивому иезуитизму римско-католической системы. Казалось, она теряла силы, но выдержала исключительно благодаря лишь своей решимости: с затаенным укором совести и стыдом она решила победить, но победа стоила ей дорого. Ни минуты не была она счастлива, пока не привезла своего тяжким трудом заполученного знания назад в глухую английскую деревню, в старый пасторат, в пустынные и бесплодные горы Йоркшира».

Сестры вернулись из Брюсселя с планами открыть школу в здании пастората, но, несмотря на образованность учителей

и низкую объявленную плату, желающих учиться в уютном здании не находилось.

Неудачи с организацией школы, однако, оказались только предвестием бед, ожидавших их в родном доме. Брат Бренуэлл, не закончив образования, переживая несчастную любовь к замужней даме, вернулся домой и пропивал каждый грош, попадавшийся ему в руки, в трактире «Черный Бык». Он наполнял старый серый пасторат своими пьяными воплями и жалобами.

«Я начинаю бояться, — писала Шарлотта, — что он скоро доведет себя до того, что станет негодным ни для какого приличного положения в жизни». Дело доходит до того, что она принуждена отказать себе в удовольствии видеть у себя своего друга, мисс Носсей: «Пока он здесь, вы не должны приезжать сюда. Чем больше я смотрю на него, тем более и более убеждаюсь в этом».

Через несколько месяцев Бренуэлл получил известие о смерти мужа своей возлюбленной и поспешно собрался в путь, вероятно, мечтая уже о предмете своей любви и пометье, как к нему явился посланный и потребовал его в гостиницу «Черный Бык». Там, запершись с ним в отдельной комнате, он сообщил ему, что муж, умирая, завещал все свое состояние жене, но под условием, что она никогда более не увидится с Бренуэллом Бронте, вследствие чего она сама просит его забыть о ней. Известие это произвело потрясающее впечатление на Бренуэлла. Через несколько часов после ухода посланного его нашли на полу в бессознательном состоянии.

Шарлотта и Энн, возмущенные поведением Бренуэлла, почти не в силах были оставаться в одной с ним комнате. Одна только Эмили по-прежнему оставалась неизменно предана ему. Она просиживала до глубокой ночи, ожидая его возвращения домой, куда являлся он, едва держась на ногах, и лишь с ее помощью добирался до постели. Она все еще надеялась любовью вернуть его на путь истины, и самые

бурные и неукротимые формы, в которых выражалась его страсть и отчаяние, могли только усилить сочувствие и соболезнование Эмили. Чем мрачнее и грознее были явления природы, чем свирепее и неукротимее животная страсть, тем более отзвука находили они в ее душе. О неустрашимости ее рассказывают характерные случаи.

Раз, заметя пробегавшую собаку, с понурой головой и высунутым языком, Эмили пошла ей навстречу с миской воды, желая дать ей напиться; но собака, как предполагают, была бешеная и укусила ее за руку. Не растерявшись ни на минуту, Эмили поспешила в кухню и сама прижгла рану раскаленным докрасна утюгом, ни слова не сказав никому из близких, пока рана не зажила окончательно.

Между тем положение Бренуэлла все ухудшалось. Он был настолько слаб, что не мог уже проводить вечеров вне дома и рано ложился в постель, одурманенный опиумом, который он ухитрялся-таки добывать, несмотря на весь надзор за ним. Раз, поздно уже вечером, Шарлотта, проходя мимо полуоткрытой двери, ведшей в комнату Бренуэлла, увидала в ней какой-то странный, яркий свет.

— О, Эмили, пожар! — воскликнула она.

В это время мистер Бронте вследствие быстро развивавшейся катаракты был уже почти слеп. Эмили знала, до какой степени боялся он огня и до чего этот слепой старик был бы напуган пожаром. Не теряя головы, бросилась она вниз в коридор, где всегда стояли полные ведра воды, минуя растерявшихся сестер, вошла к Бренуэллу, и одна, без посторонней помощи, погасила огонь. Оказалось, что Бренуэлл опрокинул свечу на постель, и (в бессознательном состоянии) лежал, не замечая окружавшего его пламени. Когда огонь был затушен, Эмили пришлось еще и вступить с братом в борьбу для того, чтобы насильно выволочь его из комнаты и уложить в свою собственную постель.

Вскоре после этого мистер Бронте, несмотря на свою слепоту, потребовал, чтобы Бренуэлл спал в его комнате, надеясь,

вероятно, что присутствие его хоть сколько-нибудь повлияет на этого несчастного человека. Но напрасно, перемена эта только увеличила тревогу его дочерей: на Бренуэлла находили по временам приступы белой горячки, и сестры его, опасаясь за жизнь старика, не спали по целым ночам, прислушиваясь к шуму в их комнате, сопровождавшемуся иногда даже выстрелами из пистолета. На другое утро молодой Бронте как ни в чем не бывало выпархивал из комнаты. «А ужасную-таки ночь провели мы с этим бедным стариком!» — говаривал он беспечным тоном. «Он делает все, что может, этот бедный старик! Но для меня все уже кончено, — продолжал он уже плаксиво, — все это ее вина, ее вина!»

В таком состоянии провел он целых два года.

К этому ужасному времени в жизни сестер Бронте относится первая их серьезная попытка выступить на поприще литературы. Потребность творчества лежала в их натуре. При своей скромности, не смея верить своему таланту, они писали, потому что это доставляло им величайшее наслаждение в жизни, и всегда страдали даже физически, не имея возможности удовлетворять этой потребности.

Сестры Шарлотта, Эмили и Энн сначала издали книжку своих стихов под мужскими псевдонимами Каррер, Эллис и Эктон Белл. Книжка не имела успеха, был замечен только талант Эллиса Белла. Но сестры, менее чем за год, написали каждая по большому роману (Шарлотта — «Учитель», Эмили — «Грозовой Перевал», Энн — «Агнес Грей») и отослали издателям. Издатели долго не отвечали, но наконец одна издательская фирма согласилась напечатать произведения Эллиса и Эктона Белл, правда, на очень невыгодных для них условиях, но совершенно отказалась печатать роман «Учитель».

Отказ этот застал Шарлотту в Манчестере, куда она приехала с отцом для операции — удаления катаракты. Получив известие, она в тот же день начала новый роман, наделавший впоследствии столько шуму — «Джейн Эйр». Роман «Джейн

Эйр» вышел в свет в октябре 1847 года. Пресса сделала весьма мало для его успеха: издатели журналов не решались помещать похвальные отзывы о неизвестном произведении совершенно неизвестного автора. Публика оказалась и искреннее, и смелее их, и роман стал раскупаться нарасхват прежде, чем появились первые рецензии.

В декабре того же 1847 года вышли из печати и романы Эмили и Энн: «Грозовой Перевал» и «Агнес Грей».

Роман Эмили Бронте при появлении своем возмутил весьма многих читателей яркостью красок в изображении порочных и исключительных характеров; другие же, напротив того, несмотря на выведенные в нем образы ужасных преступников, были увлечены и захвачены замечательным талантом автора.

Местом действия является ферма, носящая название «Грозовой Перевал». До сих пор еще жители Хаурорта указывают дом, стоящий на вершине Хаурортской горы и послуживший прототипом этой фермы. Этот дом сохранял еще некоторые следы бывшего когда-то великолепия в виде вырезанной над дверями надписи: «Н. К. 1659», напоминающей подобную же надпись в романе: «Гэртон Эрншо. 1500».

«Осмотрев как бы по обязанности это место, — говорит биограф Эмили, мисс Робинзон, — уходишь отсюда, еще более убедившись в том, что в то время как каждая личность и каждая местность в романах Шарлотты могут быть, несомненно, указаны, одно только воображение Эмили и ее способность обобщения ответственны за характер ее творений».

«Грозовой Перевал» — роман, заключающий в себе материал на десять романов. Так, атмосферу его создает замечательная и чуть ли не лучшая фигура во всем романе. Это Джозеф — величайший в мире лицемер и негодяй, прикрывающийся личиной святости, — неизменный спутник Хитклифа и мучитель всех окружающих. Нам не пришлось бы говорить о нем, так как прямой, деятельной роли в рассказе

он не играет, но его фальшивый голос и лицемерные восклицания звучат во всем романе, как какой-то однообразный и неизменный аккомпанемент, внушая в одно и то же время и ужас, и отвращение.

Первый и единственный роман Эмили Бронте представляет собой замечательное произведение, отражая в себе вполне выработанное и законченное мировоззрение автора.

Хитклиф, этот величайший преступник и злодей, поселяя ужас в душе читателя, однако же, не пробуждает в нем равносильного чувства негодования и возмущения. Все возмущение и негодование, на какое только способен читатель, всецело достаются на долю Джозефа, ханжи и лицемера, не совершающего никаких преступных деяний.

Хитклиф — покинутое родителями дитя, выросшее в неблагоприятной обстановке: он жертва наследственности и воспитания. Но он, натура сильная и крупная, представлял собой в равной степени возможность и великого зла, и великого добра; унаследованные свойства, среда и обстоятельства жизни повернули его в сторону зла, но читатель чувствует заложенные в нем зачатки добра и скорбит за него душой. Хитклиф умер, искупив свои злодеяния долгой душевной мукой, имевшей источником своим его единственное высокое и действительно бескорыстное чувство; умер, предчувствуя неудачу и гибель всех своих планов.

«Я бродил вокруг могил, под приветливым шатром звездного неба, смотрел, как ночные мотыльки порхают среди вереска и колокольчиков, слушал, как тихо вздыхает ветер в траве, — и недоумевал, как мог кому-то привидеться беспокойный сон тех, кто спит и навсегда упокоен в этой мирной земле». Этими словами над могилой Хитклифа Эмили заканчивает свой роман.

Роман этот при появлении своем, как мы уже говорили, не нашел себе правильной оценки в критике. Только спустя три года в «Palladium» появился серьезный и сочувственный отзыв о нем. Это почти шекспировское развитие всепогло-

Літературно-художнє видання

Серія «Шедеври світової класики»

БРОНТЕ Емілі
Грозвий Перевал
(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *Н. Ю. Олянішина*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Т. Г. Верховська*

Підписано до друку 08.11.2017.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21,84.
Наклад 9000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Шедевры мировой классики»

БРОНТЕ Эмили
Грозовой Перевал

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Н. Ю. Олянишина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Т. Г. Верховская*

Подписано в печать 08.11.2017.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 9000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Бронте Э.

Б88 Грозовой Перевал / Эмили Бронте ; пер. с англ. Н. Рогова. —
Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. —
416 с.

ISBN 978-617-12-4211-1 (серия)

ISBN 978-617-12-4202-9

«Грозовой перевал» находится в списке «200 лучших книг по версии ВВС». Главная романтическая книга всех времен, ставшая эталоном классической английской литературы и завоевавшая любовь миллиардов читателей по всему миру. Роман был неоднократно экранизирован и стал настоящим неиссякаемым источником вдохновения. Легендарная история о всепобеждающей силе любви, которой неведомы ни старость, ни забвение. Впрочем, как и бессмертному шедевр Эмили Бронте.

УДК 821.111